

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт
Кафедра философии

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

_____ В.И. Кудашов

Подпись

«__» _____ 20__ г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

47.03.01 Философия

ТЕМА: ТРАНСФОРМАЦИЯ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВА ОТ М.
ХОРКХАЙМЕРА ДО З. БАУМАНА

Руководитель

_____

подпись, дата

_____

должность, ученая степень

М.В. Седельников

Выпускник

_____

подпись, дата

В.В. Максимчук

Красноярск 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
Глава 1: КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА М. ХОРКХАЙМЕРА	8
1.1 Понятие критической теории М. Хоркхаймера	Ошибка! Закладка не определена.
1.2. Понятие рациональности М. Хоркхаймера: субъективный и объективный разум	11
1.3. Идеология Просвещения и Культурная индустрия	20
Глава 2: КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА З. БАУМАНА	33
2.1. Понятие критической теории З. Баумана	33
2.2. «Текущая современность»	39
2.3. Сравнительный анализ критической теории общества М. Хоркхаймера и З. Баумана	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	52
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	55

ВВЕДЕНИЕ

Критическая теория – концепция, предполагающая критику общественных норм, устоев, ценностей, идеалов и т.д. Данное направление философского дискурса появилось не так давно на рубеже XIX – XX века. Ключевой вопрос критической теории сегодня: как сохранить свою актуальность и значимость в условиях вечно изменяющейся окружающей действительности. Сложно ответить однозначно на данный вопрос. Тем не менее релевантным будет отследить трансформацию критической теории общества под воздействием общественных процессов.

Актуальность критической теории тесно связана с историческими событиями прошлого. Культ всемогущего человеческого разума привёл к страшным последствиям: мировые войны, оружие массового поражения и т.д. Всё это требовало переосмысления, рефлексии и т.д. Предметом критики стали как тоталитарные режимы, подавляющие всякую свободу индивида, так и, казалось, «прогрессивные» демократические режимы. Чем это можно объяснить? Развитый капитализм кардинально изменил общественную и частную жизнь людей, выведя человеческие возможности посредством технологического развития на новый уровень. С одной стороны, это позволило создать человеку собственный островок спокойствия и зону комфорта. Но, с другой стороны, окружающая действительность стала таить в себе ещё больше опасности, чем прежде.

Многие исследователи (Г. Маркузе, Ж. Бодрийяр) говорили об опасности современного общества. Согласно Г. Маркузе, технологическое развитие несёт в себе противоречивые черты [24]. Сложно спорить с тем, что технологии увеличивают человеческие возможности, делая нашу жизнь комфортнее, легче. Нельзя также отрицать того факта, что вся технологическая мощь общества сосредоточена в руках небольшой группы, которая, помимо общественной жизни, может управлять и частной. Управление жизнью индивидов пронизывает

все сферы жизни общества. Используется при этом различные инструменты: ТВ, радио, СМИ, социальные льготы и т.д.

Ж. Бодрийяр заостряет своё внимание на потреблении как ключевом признаке современного общества. Потребление это уже не просто экономическая операция обмена и распределения товаров, но и форма социального взаимодействия, развлечения и т.д. Иначе говоря, потребление захватывает все сферы человеческой деятельности и самого человека.

В литературе современное общество у авторов рассматривается с разных позиций. Например, общество потребления Ж. Бодрийяра, общество спектакля Ги Дебора, общество риска У. Бека и т.д. Однако, красной нитью проходит у многих авторов идея о том, что общество можно и нужно критиковать. Так как общество критикуется с разных философских позиций, возникают вопросы об особенностях применения критического метода к обществу и особенностях критической теории общества.

Есть смысл определить понятие критической теории. И тут на первый план выходит проблема как для самой критической теории, так и её исследователей. Например, В. Н. Фурс в своей работе «Социальная философия в непопулярном изложении» выделяет минимум три определения критической теории. В 1964 г. в англоязычных странах появилось специальное направление исследований в гуманитарных науках, которое сильно отходило от академического стандарта. Это направление получило наименование «Cultural studies». В рамках этого направления проводились исследования гендера, образов в кино, их влияние на реальную жизнь и всё то, что отражает массовую культуру. Отсюда можно сделать вывод, что критическая теория – критика традиционного академического стандарта в сфере культурных исследований. Но многие работы, связанные с кино, фольклором, модой и т.д. больше размыли понятие критической теории, поскольку в этом случае она рассматривается через культурный дискурс, не имеющий чёткой, единой модели [33, с. 14].

Критическая теория, в первую очередь, связывается с именем М. Хоркхаймера, основателем Франкфуртской школы. Он был первым, кто в рамках философского дискурса сформулировал модель критической теории, иначе говоря, первым реализовал её проект на практике. Согласно М. Хоркхаймеру, критическая теория указывает на изменение сознания индивида, окружённого продуктами своей жизнедеятельности. Система удовлетворения потребностей, которая сложилась в современном обществе, бесчеловечна и вводит индивида в заблуждение, искореняя критическое мышление. Потому критическая теория – критика понятийного аппарата, используемого обществом и критика самого сознания, где этот понятийный аппарат усваивается.

Следующий виток развития критической теории связан с фигурой З. Баумана. Он провозгласил постмодерн в качестве точки начала нового этапа современного общества и соответствующую трансформацию критической теории. З. Бауман в своих трудах предпринимает попытку подвергнуть ревизии идеи Франкфуртской школы и, исходя из этих соображений, сформулировать собственное видение критической теории общества. Именно поэтому в своём исследовании я сконцентрируюсь на том, что собой представляет критическая теория и как она изменилась в интерпретации М. Хоркхаймера и З. Баумана.

Изучением критической теории занимались многие учёные. К примеру, Дж. Бохман в своей работе «Critical theory» рассматривал критическую теорию общества в качестве ценного вклада не только в философское знание, но и в политическое и социально-практическое знание. Он говорил об уникальности критической теории, которая, начиная с Франкфуртской школы, переводит разговор из философского дискурса на практическое поле исследований (социология, история, психология и т.д.). Дж. Бохман также указывал на спорные моменты критической теории М. Хоркхаймера, которая выступает против инструментального разума и всеобъемлющей рациональности. И в основу альтернативы вкладывает холический взгляд на общество, и оставляет за философией нормативную обязанность. Дж. Бохман исследует критическую

теорию общества М. Хоркхаймера в соответствии с теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса, прагматизмом и влиянием на процессы глобализации.

Особенность изучения критической теории характеризуется двузначностью понятия. С одной стороны, критическая теория выступает методологией исследования общества. М. Хоркхаймер ставит под сомнение такие понятия как рациональность, разум, на которые опирается проект Просвещения. С этой точки зрения, критический метод в философии в качестве анализа объекта сходится с методом критической теории Франкфуртской школы.

Но критический метод как понятие гораздо шире, чем понятие критической теории общества. Последняя рассматривает общественные нормы, правила, традиции, принципы. Критическая теория в качестве объекта исследования берёт общество.

С другой стороны, критическая теория – предмет исследования, у которой имеется предметная область в виде социальной действительности. Иначе говоря, критическая теория – метод исследования социальной действительности, с которой ей необходимо соотноситься. Изменения социальной действительности напрямую затрагивают и критическую теорию.

Для того, чтобы лучше понять разницу между этими двумя понятиями стоит заметить, что критическая теория общества стремится быть практико-ориентированной, что не особо получилось у философских течений, применявших критический метод. Критический метод обычно извлекает объект из социальной действительности, что недопустимо в рамках критической теории. Можно сказать, что критическая теория – реакция на социальные изменения в историческом развитии человека. Она видит в общественной системе изъяны, недочёты и стремится их исправить.

Таким образом, объектом исследования является критическая теория общества как форма социально-философского анализа в работах М. Хоркхаймера и З. Баумана, а предметом изменение и развитие критической

теории общества в рамках философского дискурса от М. Хоркхаймера к З. Бауману.

Для того, чтобы понимать особенности критической теории общества М. Хоркхаймера и его последователя З. Баумана необходимо разграничить сам критический метод и его объект. Критическая теория – применение критического метода по отношению к обществу, иначе говоря объект критической теории – общество, а метод критической теории – критика.

Проблема – Эволюция критической теории под влиянием различных факторов, обуславливающих общественные процессы.

Цель исследования – Проанализировать пути трансформации критической теории общества под воздействием социальных процессов.

Достижение намеченной цели предполагает решение следующих задач:

1. Выяснить, что понимает М. Хоркхаймер под критической теорией общества.
2. Выявить закономерности критической теории общества М. Хоркхаймера.
3. Выяснить, что понимает З. Бауман под критической теорией.
4. Выявить закономерности концепции «текущей современности» З. Баумана.
5. Эксплицировать различия между критическими теориями М. Хоркхаймера и З. Баумана.

Используемые методы – Аналитический, герменевтический, компаративный.

Глава 1: КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА М. ХОРКХАЙМЕРА

1.1. Понятие критической теории М. Хоркхаймера

В 1930-е гг. вокруг Института социальных исследований при Франкфуртском университете возникло одно из наиболее влиятельных и конструктивных течений в неомарксизме – Франкфуртская школа. Основная проблематика Франкфуртской школы – эпистемология социальных наук, объективная оценка теории марксизма, исследования проблем капитализма и реального коммунизма, анализ индустриального общества. Ведущими представителями являлись Т. Адорно, К. Маркузе, В. Беньямин, Э. Фромм, Ю. Хабермас и, конечно, М. Хоркхаймер, возглавлявший Институт социальных исследований. Научный интерес к трудам этих философов сохраняется и сегодня, поскольку Франкфуртская школа оказала существенное влияние на развитие социально-философской мысли.

Один из основателей Франкфуртской школы – М. Хоркхаймер, формулируя основные положения в качестве объекта исследований на первый план выдвигает пути рационального развития общества. Кроме того, М. Хоркхаймер выделил два подхода к теории: традиционный и нетрадиционный

Говоря о традиционной теории, М. Хоркхаймер считает, что она представляет собой совокупность общих суждений. Из них выводятся частные суждения, которые, в свою очередь, проверяются опытом. Если же частные суждения не прошли проверку опытом, то где-то закралась ошибка в теоретических построениях и необходимо вывести их снова. Теория должна соответствовать критериям: не иметь в себе противоречий, каждый элемент общего не исключает частный.

М. Хоркхаймер сомневается в полезности подобного подхода. Традиционная теория не рассматривает и даже исключает субъективные компоненты из результатов исследования. Это привело к тому, что общество и общественные процессы не рассматривались детально. В противном случае они

представляли собой не соответствующие действительности идеальные абстрактные модели.

Научное сообщество первой трети 20 века, с одной стороны, пыталось оценить заслуги «наук о духе». С другой стороны, всё интенсивнее намечалась тенденция к исследованиям, объединяющим науки в единый комплекс, где лидирующие позиции оставались за математикой и естественными науками. На фоне «настоящих наук» гуманитарные науки всё больше отодвигались на второй план.

В связи с этим, в гуманитарных исследованиях возникало всё больше и больше неопределенностей в том, как рассматривать общество в качестве предмета исследований. Сомнения касались того, что традиционная теория рассматривает общество в качестве идеального конструкта, имеющего теоретическое содержание и подтверждение этого содержания эмпирическими фактами. В такой системе нет места субъективным элементам. Традиционная теория не рассматривает влияние субъекта на общественные процессы, и наоборот. Здесь, считает М. Хоркхаймер, такая ситуация ведёт к несоответствию эмпирического материала и теоретического ядра-центра. Из этого противоречия можно вывести двойственную природу человека: с одной стороны, ему необходимо исследовать общество как объект. С другой, человек сам обусловлен общественными процессами. Из этого следует, что критическая теория Хоркхаймера по своей сути является нетрадиционной. В ней предполагается брать в расчёт те понятия, которые конструируют социальную реальность и влияют на становление человека.

С одной стороны, научно-технический прогресс, безусловно, несёт благо, ибо помогает обустроить свой собственный мир: железнодорожный транспорт, медицина, массовое производство товаров и услуг и т.д. С другой, создаваемый человеческий мир по своей природе бесчеловечен и несёт страдания всем. И ведь человек по своей натуре не хочет осознанно причинять зло, будь то война, голод, социальное неравенство и т.д. Он в этом случае обусловлен обществом, которое

его воспитало и заставило приспособляться к изменяющимся условиям жизни. Не владелец фабрики виноват в низкой оплате труда и переработках рабочего, а сложившаяся система общественно-экономических отношений. Не цари виноваты в бедствиях народов, а сложившаяся система, вынуждающая расширяться и преумножать богатство за счёт других, ибо в противном случае это может сделать кто-нибудь другой уже с твоей страной. Можно сказать, что общество задаёт собственную иерархию, где один подчиняется, другой господствует.

С точки зрения буржуазной картины мира, человек, будучи ограниченным обществом, свободен в собственной самореализации. Невзирая на свою зависимость от социального контекста, индивид может попытаться освободиться от угнетающей общественной системы через собственные поступки. Иначе говоря, общество проявляет великодушие, предоставляя человеку право отвечать за собственные поступки, быть свободным в своих действиях. Таким образом, общество в некотором смысле как справедливый родитель воспитывает человека в строгой дисциплине, не унижая его, но и не балуя, наказывая за ошибки.

В процессе своей жизнедеятельности человек сталкивается с огромными массивами данных и информации, которые необходимо как-то обработать. Не вся информация из этой массы попадает в структуру знания, а та, что попадёт, становится рациональной, структурированной. Отсюда можно сделать вывод о том, что человеческое сознание работает только с теми фактами, которые могут соотноситься с уже имеющимся знанием, вступая с ним в связь. Невзирая на эту предопределённость, теоретическая модель может не совпадать с фактами общественной жизни.

Стоит сказать, что подобные воззрения имели место в прошлом. Так И. Кант полагал, что «человеческое искусство» разума заключается не в пассивном восприятии реальности, а в наложении собственной категориальной сетки, так как в этом случае мир становится упорядоченным [20]. Но вместе с тем, разум

способен впасть в «трансцендентальные иллюзии», которые и не позволяют верно соотносить факты и теорию. Следовательно, можно констатировать, что чистые рассудочные понятия являются своеобразным «фундаментом» «сверхиндивидуальной деятельности», проявляющейся непосредственно в идеалистической форме самого сознания, иначе говоря – вытекает из сугубо духовной инстанции. Отсюда можно заключить, что индивидуальная работа исследователя всегда опосредована общей субъективностью [3].

Можно сделать вывод, что кантовская оппозиция эмпирического материала и априорного знания полностью отражает противоречия в критической теории общества. Также следует отметить, что критическая теория указывает на двойственность самого субъекта, который включён в общество и исследует его.

В качестве объекта критической теории выступает общество. Цель критической теории заключается в критике таких понятий, как «польза», «ценность», «целесообразность». Также критическая теория ставит под сомнение разделение на частную и общественную жизнь.

Таким образом, можно попытаться дать определения понятиям, которые вводит М. Хоркхаймер. Традиционная теория – теория, которая рассматривает генезис объективного знания как внешне преходящего по отношению к субъекту. Существенным моментом здесь является отчуждение практического и теоретического материала. Критическая теория – теория, которая рассматривает использование понятийного аппарата в обществе, которое непосредственно влияет на человека и его восприятие действительности. Критическая теория допускает двойственность субъекта, который включен в объект своей критики. Обе теории базируются на идеологии Просвещения. Потому очень важно рассмотреть те основания, на которых построен проект Просвещения, о чём пойдёт речь в следующем разделе работы.

1.2. Понятие рациональности М. Хоркхаймера: субъективный и объективный разум

М. Хоркхаймер рассматривает в рамках своей критики понятие рациональности, на основе которой строится проект Просвещения. Рациональность или же разум имеет два способа реализации: субъективность и объективность. М. Хоркхаймер считает, что разум вышел на первый план с философских систем Платона, Аристотеля, схоластики, немецкой классической философии. «Великие философские системы Платона, Аристотеля, схоластиков, немецких идеалистов основывались на объективной теории разума» [36, с. 9]. Разум претендовал на роль универсального первичного принципа, который находится в связи с личностью. В подобных философских системах постулируется исчерпывающая высшая инстанция – абсолютная или же объективная истина.

Однако не следует думать, что субъективный разум совершенно не рассматривался в данных концепциях. Субъективную рациональность здесь определяли как зависимую от объективной рациональности часть. Притом неполную, недостаточную часть. Эти доводы подтверждает категорический императив И. Канта. Формулируется он следующим образом: «поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом» [19, с. 45]. В категорическом императиве передается основная суть Просвещения: Объективный всеобщий закон всегда будет приоритетнее, нежели субъективная максима.

Невзирая на это, главенствующее положение объективного, по мнению М. Хоркхаймера, имеет место триумф субъективности и самодискредитация объективности. Почему он делает подобные выводы? Дело в том, что в Новое время философы несколько, на его взгляд, переборщили и довели разум до состояния замкнутого самого на себе инструментария.

М. Хоркхаймер считает, что всякая объективность отражает действия субъективности. Иначе говоря, объективное познание находится в соответствии

с активным субъектом. Когда разум занимается развенчанием ложных воззрений, он конструирует собственные системы понятий, которые призваны раскрыть сущность реальности.

Далее развивая свою мысль М. Хоркхаймер приходит к выводу, философы совершают большую ошибку, когда во главу угла ставят субъективацию и формализацию разума, полагая рациональность главным элементом. М. Хоркхаймер считает, что над этой проблемой работал Сократ, однако не преуспел в этом. С позиции Сократа, разум, «понимаемый как познание всеобщего [universal insight], должен определять убеждения, регулировать отношения между человеком и человеком, а также между человеком и природой» [36, с. 16].

М. Хоркхаймер полагает, что именно Сократ поставил под сомнение веру в Богов, иными словами, истину объективного разума. Он делал подобные выводы, поскольку видел в Богах личный произвол светских властителей и политические интриги. В качестве альтернативы Сократ выдвигает истину объективную, которая являлась бы регулятором общественных отношений и проникала в суть вещей, давая незамутненное человеческими желаниями и пороками знание. Далее, по мысли М. Хоркхаймера, следует обратиться к Платону как продолжателю идей Сократа. Мир эйдосов с концепцией припоминания показывает, как человек в течении всей жизни, постепенно получая новые сведения и размышляя над ними, приходит к объективной истине.

В Средние века схоластическая традиция пыталась объяснить устройство мира с позиции религии, тогда как философия предлагала собственную картину мира, тем самым зародился вечный спор между знанием и верой. Спор возник тогда, когда обе позиции признали существование Бога, но совершенно разошлись по вопросам природы человека, социальных институтов, соотношения знания и других форм познания. М. Хоркхаймер считает, что философия и религия находились на равных позициях, временами терпимо относясь друг к другу. Когда философское познание стало равноправным, не

подчинённым религиозной догме, тогда же разум стал стремиться к всеобщности как принципу полного, систематического объяснения законов и понятий мира. Можно сказать, что проект Просвещения в своей основе строится на стремлении субъекта всецело, полностью объяснить и понять мир, определить свою цель и значение в нём.

Спор между знанием и верой ни к какому результату не пришёл и закончился ничем, поскольку и философия, и религия стали обособленными сферами культуры. В эпоху Возрождения главной ценностью начинает считаться достоверное научное знание. Именно здесь философия совершает мощный рывок, поскольку проникает в суть вещей и устанавливает объективную истину.

В Новое время, как уже было сказано, рождается проект Просвещения. Разум начинает дискредитировать сам себя. Но почему? Общие понятия такие как действие, причина, субстанция и концепции, построенные на их основе критикуются философской мыслью. Номинализм Оккама, критика причинности Юма ставят под сомнение фундаментальные объективные понятия. Просвещение провозгласило, что разум более не способен сформировать достоверный понятийный аппарат, не способен ставить цели сам по себе. Разум может выступать только лишь как орудие, инструментарий и т.д. Таким образом, деятели Просвещения определили разум в качестве всеобъемлющей объективной силы, но затем низвергли его. Разум теперь не может дать сколько-нибудь значимые ответы касательно природы человека и его поступков.

В конце концов, субъективный разум сводит основополагающие понятия до состояния «формальных скорлупок» [36, с. 13]. То есть, формализация разума прошла путь от очищения от специфических значений до полного низложения.

В итоге, мы можем дать определение понятию разум. Разум – субъективный и формализованный инструмент познания. Задавая «объективные» понятия, разум начинает свою формализацию с долгоиграющими последствиями.

Но не следует думать, что инструментальность разума распространяется только лишь на область познания. События 18 – 19 веков показывают изменения в понимании устройства государства и природы человека. Великая французская революция провозгласила новые принципы: «Свобода, равенство, братство». В это время новое прочтение и интерпретацию обретают такие понятия как нация, демократия и т.д. Подобные идеи всё больше и больше захватывают умы, принимая идеологические очертания.

Но идея демократии теряет своё рациональное основание. Происходит это в силу принципа большинства. Согласно этому принципу, при решении какого-либо вопроса необходимо учитывать мнения различных групп. В своей аргументации они часто прибегают к апелляции к здравому смыслу. Здравый смысл в силу этого автоматически становится самоочевидной истиной. По итогам, идея демократии в своей основе имеет основывается на инструментальном разуме. Инструментальный разум основывается на бессознательном большинстве и не даёт никаких гарантий против тирании.

М. Хоркхаймер считает, что доводы разума могут использоваться властью имущими в экономических и политических целях. Субъективный разум рассматривает любое утверждение с точки зрения интереса самого индивида. М. Хоркхаймер говорит о том, что имеет место смещение акцентов с достижения абсолютной истины на получение пользы, практическую реализацию. Можно сказать, что «пальму первенства» у объективного разума перехватил субъективный. Субъективный разум в каком-то смысле отошёл от поиска вечных истин и смыслов и провозгласил свою инструментальность. Субъективный разум пытается быть применимым в конкретных ситуациях.

К примеру, если мы стоим на позиции, что истина относительна, то это позволяет нам отстаивать любое утверждение, любую позицию, но при этом теряется весь предшествующий исторический контекст. Идеи, потерявшие свои корни, становятся частью мифологии. Подобным образом М. Хоркхаймер объясняет возрождение суеверий.

Немецкий мыслитель считает, что те высоты, которых достигла демократия относительноны, ведь теряются смыслы, на которых основывается демократия. Субъективный разум поставил под сомнение мифологические, религиозные и рационалистические идеи, на которые опиралось общество предшествующих эпох. Так М. Хоркхаймер указывает на то, что чувство прекрасного, безобразного и иные формируются ещё с мифологических времён. К примеру, уход за садом означает, что сад принадлежит богам и потому за ним следят и ухаживают. Однако утверждение прагматических принципов лишает смысла такие вещи как любование закатом, ведь наблюдать за заходящем солнцем считается бесполезной тратой времени с позиции инструментального разума. Любое произведение искусства превращается в товар, овеществляется. Всё меньше и меньше в нём личного, всё меньшее место отводится в нём чувству. Овеществление – признаки субъективации и формализации разума.

По мнению С.В. Рассадина, М. Хоркхаймер, анализировал проявления инструментального разума в работе «Затмение разума. К критике инструментального разума», подчеркивая, что европейская мысль развивала две полярные теории разума – объективную и субъективную [29, с. 121].

Хитросплетения субъективного и объективного разума показывают ту двойственность, с которой человеку приходится существовать. Соответственно, следует определить, что понимает М. Хоркхаймер под субъективным и объективным разумом.

Субъективный разум – уверенность субъекта в том, что любая истина относительна и не может претендовать на статус всеобщей, что необходимо ставить под сомнение общепринятые правила, нормы и законы философии. Также субъективный разум символизирует овладение природой и обществом для реализации личных целей. Субъективный разум выступает инструментарием для достижения прагматических целей. Субъективация разума предполагает формализацию всех истин, что даёт возможность продвинуть ту или иную идею, обеспечивающая экономическую и политическую выгоду. Философия

становится средством убеждения и управления массами, более она не занимается рефлексией и поиском истины.

Иначе говоря, «...мы назвали субъективным разумом установку сознания, нацеленную на не знающее пределов приспособление к отчуждению между субъектом и объектом, а также к процессу овеществления в обществе из-за страха впасть в противном случае в безответственность, произвол и игру идей» [36, с. 198].

Объективный разум – позиция субъекта, согласно которой провозглашаются всеобщие, абсолютные принципы и ценности, которые решают вопрос дуализма духа и природы, дабы представить мир в целостную единую систему. Объективный разум не менее опасен, чем субъективный, ибо игнорирование дуализма духа и природы ведёт за собой аналогичную спекуляцию в попытке достичь политическую и экономическую выгоду.

М. Хоркхаймер считает, что «противостояние» субъективного и объективного разума: «является выражением реальной антиномии», [36, с. 199] порождаемой самой жизнедеятельностью человека. Так можно проследить, что человек на протяжении всей своей истории пытался освоить законы природы и подчинить последнюю своей воле. Невзирая на высокое положение субъективного разума с сопутствующим овеществлением, попытка реабилитировать объективный разум также несёт в себе опасность. «В то время как субъективный разум, перерастающий в вульгарный материализм, не может не впасть в циничный нигилизм, в традиционных учениях, утверждающих объективный разум, угадываются черты идеологического обмана» [36, с. 199]. Например, разрешение дуализма духа и природы ведёт к утверждению определённых идей, ценностей и понятий в качестве вечных истин, что тоже ведёт к формированию мифологии.

Но немецкий мыслитель подчёркивает, что противостояние субъективного и объективного разума и последовательное гипостазирование «одного из них в

противоположность другому» [36, с. 200]. есть лишь необходимая видимость, поскольку: «Эти два понятия тесно переплетены друг с другом в том смысле, что последовательное отстаивание одного не только разрушает другое, но и вновь приводит к нему же» [36, с. 200]. Необходимость заключается в том, что человек не может обойтись без подобных операций, так как «...первичность субъективного разума всегда обуславливались потребностью общества в контроле над природой» и «...общество не могло полностью подавить идею чего-то трансцендирующего субъективности своекорыстия - идею, к которой не могла не стремиться самость.» [36, с. 200].

Может показаться, что у философии нет какого-то вразумительного ответа на данную проблему. Но представитель Франкфуртской школы следующим образом понимает задачу философии: «Задача философии заключается не в том, чтобы упрямо держаться за одно из этих понятий, отвергая другое, но в том, чтобы способствовать их взаимной критике, подготавливая тем самым по возможности интеллектуальную почву для их примирения в действительности» [36, с. 199].

Подобные ограничения разума не являются чем-то принципиально новым. Они присутствовали изначально, когда человек появился, чтобы властвовать над природой. Настоящая критика разума должна отыскать истоки, корни человеческой цивилизации и исследовать её раннюю историю. Как только человек стал господствовать над природой, он всякий раз терпел поражение в попытке постичь истину, увидеть вещи такими, какие они есть. объективация порождает инструментализацию природы и человека.

Потому «разум может перерасти природу только путем конкретного уразумения своей «природностью» [36, с. 199]. Разум должен послужить инструментом примирения. То есть, критическое отношение к инструментальному разуму должно спасать от ложных идеологических систем.

М. Хоркхаймер уверен, что на сегодняшний момент (середина 20 века) существует все необходимые предпосылки для освобождения разума: стремительный рост индустриализации, упадок индивидуальности и становление массовой культуры. На протяжении всей истории человечества понятия справедливости, свободы, чести и другие неоднократно меняли своё значение.

Все попытки утверждения истины так или иначе сводятся к решению вопроса соответствия теории и реальности. Все мировоззренческие установки (справедливость, честь, достоинство, благо) получали главенствующее положение. Но как можно заметить все философские системы, начиная с Платона, не брали на рассмотрение факт социальной несправедливости, что мешало и мешает созданию настоящей, истинной онтологии. «История доказала иллюзорность всех таких попыток» [36, с. 207].

Поэтому философия должна быть двойственной по отношению к своим задачам. С одной стороны, философия должна оставить попытки достичь окончательной истины. С другой, философия должна соотносить существующие концепции с реальностью.

Таким образом, критическая теория должна ставить под сомнение концепции, претендующие на статус всеобщих. В первом параграфе затрагивался вопрос о сущности критической теории, которая занимается критическим рассмотрением идей Просвещения. Этот параграф смотрит на проблему критики несколько глубже, формулируя понятия объективного и субъективного разума. Человек уже рождён, чтобы властвовать над природой и обществом. Его врождённое «качество» заставляет «гипостазировать» одну из позиций разума: объективную и субъективную. Потому М. Хоркхаймер говорит о возможности самокритики разума с аккуратностью, ибо необходимо учитывать исторический разрыв между теорией и реальностью.

1.3. Идеология Просвещения и Культурная индустрия

Для того, чтобы понимать по каким законам работает общество, необходимо понимать, что такое Идеология Просвещения. Идеология Просвещения, как мы уже знаем, постулирует подчинение природы человеком посредством разума. В этом случае Просвещение имеет чёткую логическую структуру, где субъект находится в зависимом положении от объективного разума. М. Хоркхаймер совместно с Т. Адорно полагают, что господство человека над природой прививается самим Просвещением. Отсюда получается, что стремление к единению духа и природы, представить множественность как вариацию одного и того же, превращение вещей в объекты исследования – все эти тенденции исходят из принципа повторяемости, чтобы разум занял главенствующее положение. Для этого язык соотносится под выстроенную структуру, убрать и опровергнуть всё мистическое и мифическое. Следовательно, можно выделить два определения «Просвещение»: узкое и широкое. В узком смысле: «Просвещение» – концепция, которая отстаивает главенствующее положение логики и математики для достижения истины. По сути, субъект теряет связь с объектом, ибо исследуется не реальность, а лишь её проекция. В широком смысле: «Просвещение» – концепция, которая отстаивает главенствующее положение буржуазного общества в целом и провозглашает единство духа и массы.

Где начинается проект Просвещение? Оно начинается с первых попыток понять и классифицировать природу в Древней Греции. В нём выражается страх и трепет перед природой, её тайнами и загадками. Мифологическое сознание предполагает поклонение окружающей действительности и уважение сил природы. Человек ещё не отделял себя от мира духов и подчинялся ему. Тесная связь человека с природой не нарушалась. В своих благодарственных действиях люди совершали сакральные ритуалы и приносили жертвоприношения в пользу природных сил. Гармония человека и природы закончилась в тот момент, когда человек противопоставил себя природе, начал развивать свои интеллектуальные

способности и познавать мир. Развитие человека привело к появлению техники, которой ныне мы окружены.

Но М. Хоркхаймер замечает, что весьма затруднительно провести линию между человеком, покорителем природы, и человеком, сосуществующего с природой. С этих позиций М. Хоркхаймер выражает сомнения по поводу некоторых ритуалов. В качестве примера он рассматривает жертвоприношение. В мифологических трактатах под жертвоприношением понимают акт задабривания высших сил, будь то духов или богов, и покорности перед ними. Как указывает К. Хюбнер в своей работе «Истина мифа», все, что человек предпринимал в масштабах своего сообщества, прежде всего всякая его профессиональная практика, берет свое начало в молитве и жертвоприношении. [37, с. 117].

М. Хоркхаймер считает, что мифологическое понимание жертвоприношения – ложное по отношению к сакральному. Предоставление жертвы задаёт с течением времени иерархию в обществе. С древнейших времён существуют подчинители и подчиняющиеся. Такое устройство закладывается насильем и установлением сакральности и повторяемостью ритуалов. Таким образом, миф становится орудием воздействия на общество.

Также М. Хоркхаймер и Т. Адорно отмечают, что ритуал жертвы символизирует поклонения неукротимой природе. Однако, ритуал жертвы ставит под сомнение примирение зависимого человека и природы. В качестве примера рассматривается «Одиссей».

Все трудности и лишения Одиссей преодолевает, не без помощи божественной воли, с помощью хитрости. Одиссей словно бросает вызов Богам и символизирует подчинение непокорной природы. В этом произведении перед нами предстаёт как самостоятельная, индивидуальная, прежде всего, единица, а не часть коллектива. Так происходит потому, что человек начинает полагаться, прежде всего, на собственные силы. Но Одиссей не столько противиться воле

богов, сколько ищет пути обхода, лазейки в правилах, установленных богами. Подобной стратегией Одиссеей добивается успеха. Зачастую Одиссеей приносит себя в жертву, когда обстоятельства складываются не лучшим образом. Сам факт того, что жертва, будучи покорной, имеет хитрый план обесценивает высшие божественные силы. Сама жертвенность есть условие существования сакрального мира, который априори сильнее человека. Но покорность и хитрость сокращает дистанцию между божественным и человеческим: «Все жертвоприношения, планомерно осуществляемые человеком, обманывают того бога, которому они посвящены: они подчиняют его примату человеческих целей и лишают его власти, а совершенный в отношении него обман беспрепятственно превращается в тот, который учиняется над верующей паствой неверующим проповедником» [4, с. 71].

Здесь можно заметить, что в основе мифов древних племён жертвенность пронизана обманом и ложью. Когда происходит замещение жертвы на животное, тогда исчезает сакральность, теряется изначальный смысл. Подобной заменой мы дискредитировали высшие силы. Именно в этот момент, считают Т. Адорно и М. Хоркхаймер, зарождается рациональность как диктат насилия и традиции над обществом. Невзирая на то, что рациональность появилась в глубокой древности, полноценно поставить разум во главу угла получилось только посредством проекта Просвещения.

Просвещение своей целью ставит изучение мира, развенчание мифов и суеверий, раскрытие тайн природы. Человек понимается в этой системе мира через призму собственного могущества перед силами природы, которые необходимо понять и подчинить. Если не подчинять природные силы, то не получится никакой целостной системы, структуры, всё превратится в хаос.

С точки зрения М. Хоркхаймера, настоящая причина утверждения Просвещения – ужас перед трансцендентным, недоступным. Ужас подводит человека к подчинению того, что ему не подчиняется. Несмотря на свои достижения в науке и технике, положение человека шаткое, а сам он зависим от

природы, а не наоборот. «Полуденный панический ужас, с которым природа была внезапно осознана людьми как всеединство, находит свое соответствие в той панике, которая сегодня готова разразиться в любой момент: люди ожидают, что мир, из которого нет выхода, будет взорван тем всеединством, которое суть они же сами и перед лицом, которого они бессильны» [4, с. 46]. Именно в этой тяге к подчинению природы кроется, по мнению немецкого мыслителя, кроется стремление общества к тоталитарной системе. «Просвещение – тоталитарно» [4, с. 21].

Т. Адорно и М. Хоркхаймер считают, что тоталитарность «мифа Просвещения» заключается в отсутствии такой категории как непознанное. Когда мы собираемся что-либо проверить, уточнить, уже заранее мы предполагаем какой-то результат. Получается, что уже предварительно известен предмет познания.

Дальше Т. Адорно и М. Хоркхаймер рассуждают о том, что научное знание не выходит за рамки постоянной тавтологии «Я мыслю». Об этом писал И. Кант в своей «Критике чистого разума». Там И. Кант выдвинул мысль, что познать можно всё, а что нельзя познать является небытием [20]. Но субъект не в состоянии до конца познать объекты или «ноумены». Субъект лишь воспроизводит из раза в раз то, что в него заложено, иначе говоря, накладывает свою категориальную сетку

Выходит, что научная мысль есть логическая тавтология «Я мыслю» с постоянным утверждением господства субъекта. За отчуждением от природы, следует неконтролируемый ужас, который человек пытается укротить через познание и подчинение всего неизвестного, тайного.

Т. Адорно и М. Хоркхаймер сталкивают миф и проект Просвещения. Последний, с одной стороны, существует благодаря мифу, поскольку искореняет его и веру в сверхъестественные силы. Миф всегда объясняет устройство мира, его порядок, а ритуалы понимались символически. Среди людей жила вера в сущее, а любое действие имело под собой какой-то тайный, сокрытый смысл. Но подобный ход вещей совершенно не на руку разуму, который выстраивает

систему «господин – подчинённый». Тут можно возразить, что в первобытных обществах существовала иерархия. Однако она была пронизана духом единения с природой. Для мифологии характерно доверительное отношение с природой. Мифология её принимает и не стремится подчинить. Другая же ситуация с проектом Просвещения, ибо оно строится на страхе перед Иным, Неизвестным. Любая встреча с ним опасна, поскольку является аномалией в выстроенной разумом системе и грозит разрушить её

С другой стороны, Просвещение включает в себя черты мифологического сознания, адаптируя их на свой лад. К примеру, дабы у рациональной системы, структуры были твёрдые основания, устанавливается определённая «магическая граница», черта, выход за которую приравнивается к смерти. Далее Просвещение формулирует собственные мифы: 1. Только разум может познать реальность. 2. Наука – двигатель прогресса, а субъект господствует над природой. 3. Научно-технический прогресс показывает на что способен человек.

Таким образом, можно выделить основные моменты критики проекта Просвещения. Во-первых, проект Просвещения строится на искоренении мифов и ритуалов. Исключается всё случайное, божественное, чтобы на смену им пришла детерминированная разумом повторяемость. Т. Адорно и М. Хоркхаймер полагают, что подобная методика приводит к провалу. Опровергая мифологию, Просвещение само становится мифом. Так Просвещение испытывает мифический ужас перед необъяснимым, поэтому старается объяснить любые белые пятна в познании или же берёт на вооружение мифологические приёмы (считается безрассудным выход за пределы разумного мышления).

Во-вторых, выведение на главенствующее положение субъекта ведёт к обесцениванию объекта, в том числе и других людей. Последние воспринимаются как покорные подчинённые, выполняющие приказы. В исследовании любое живое существо или вещь становится материальной точкой, абстрактным объектом, который при желании можно заменить другим. Именно так обосновывается тоталитарность проекта Просвещения. Однако Т. Адорно и

М. Хоркхаймер считают, что подобный подход не приближает к истине, и все значимые достижения общества не имеют никакой связи с господством и подчинением природы.

В-третьих, проект Просвещения диктует свободу разума. Но, в действительности, никакой свободы и не подразумевается, ибо существуют ограничения, нарушать которые нельзя: экспериментальное поле, категории, фактический материал. Подобные рамки касаются всей структуры общества, ибо господство разума над чувствами перерастает в контроль над массами.

Миф, рациональность и Просвещение оказывают влияние на социальную реальность. Но что же тогда понимает М. Хоркхаймер под социальной реальностью.

Говоря об обществе, М. Хоркхаймер обращает свой взор на сферу культуры. Он убеждён, что на примере трансформации культуры в индустрию возможно увидеть изменения в обществе и самого человека под влиянием социальной реальности.

М. Хоркхаймер в качестве ключевого понятия рассматривает идеологию как фундамент, на котором строится социальная реальность в эпоху капитализма. Стремительный рост индустриализации и урбанизации выводит идеологию на передний план в формировании общественных институтов и отношений. М. Хоркхаймер не даёт чёткого определения идеологии. Под идеологией понимается некая совокупность норм, правил, предписаний, провозглашённых единственно верными. Поскольку М. Хоркхаймер обращается к культуре, то для него идеология предполагает освоение, приобщение к системам норм и ценностям, провозглашаемые идеологией.

Потому возможно выделить особенную идеологию потребителя и соответствующую ей форму культуры – культурную индустрию. Немецкий мыслитель считает, что культурную индустрию с натяжкой можно называть искусством, поскольку прямая зависимость кино, книг, СМИ от политико-экономических факторов ведёт к вырождению искусства и культуры в целом. Под культурной индустрией представитель Франкфуртской школы понимает

прежде всего массовую культуру. Последняя понимается как область человеческой деятельности, исключая независимость и самобытность смыслов в произведениях искусства. Отныне любой элемент смысла, будь то сюжет или композиция будет предзадан, что вредит связанности элементов.

Теперь фильмы или книги наводнены стереотипными персонажами, сами истории представляют собой набор клише. Даже неординарные, необычные решения вытекают напрямую из экономических интересов корпораций культурной индустрии. Продукты культуры только создают видимость оригинального и уникального продукта ради привлечения масс. В качестве примера М. Хоркхаймер рассматривает рекламные кампании по продаже автомобилей американской «General Motors» и немецкой «BMW Group» и говорит, что качественно они не отличаются друг от друга.

Культурная индустрия стала проникать во все сферы человеческой деятельности. Культурная индустрия становится, в известной степени, механизмом, приоритетной задачей которого становится согласование сенсорных данных понятийному аппарату. Культурная индустрия предоставляет индивиду единую непротиворечивую картину мира и создаёт ложные представления о единстве власть имущих и обыкновенных граждан. Похожую точку зрения высказывал другой немецкий философ – К. Ясперс. Он полагал, что культурная жизнь современного человека стала пустой, вследствие чего происходит ее механизация, а сфера досуга превращается в разновидность работы. Механизм техники, по мысли философа, способен оказывать на людей в массе совсем другое давление, нежели в недалеком прошлом. Так, например, если исчерпывающие сведения вначале давали людям духовное освобождение, то теперь это обратилось в господство над человеком, т.к. техника делает существование социума зависимым от функций выстроенного ею аппарата [39, с. 186-187].

М. Хоркхаймер также рассматривает технический аспект культурной индустрии. Он полагает, что развитие технических средств приводит к выхолащиванию смысла, потере созерцания и рефлексии при восприятии

произведений искусства. Не следует думать, что сама техника является причиной. Причиной является человек, распоряжающийся техникой. Природная тяга к господству ведёт к неправильной работе техники. Так, в кинематографе очень много времени и сил уделяется эффектам, производимых машинами, дабы вызвать заинтересованность у зрителя прийти на следующий сеанс. Ради привлечения масс в ход идут различные методы, в том числе и новое прочтение классических произведений. В этом М. Хоркхаймер видит издевательство над человеческой культурой и искажение изначальных смыслов, которые были в неё заложены. Но при этом культурная индустрия добивается впечатляющих результатов, отображая единство природы и человека, что удавалось не каждому художнику, писателю и философу и т.д. Однако единство является ложным, ибо не отражает проблему единства природы и человека и попытки её преодоления.

М. Хоркхаймер говорит, что культурная индустрия напрямую выражает общество принуждения. Как это выражается? Дело в том, что как производители продуктов культуры зависят от экономической поддержки, так и потребители зависят от условий социальной реальности. С точки зрения производителя продуктов культуры, существует необходимость окупить свои затраты на производство, иначе ты лишишься экономической поддержки и останешься без работы. С точки зрения потребителя, развлечение через массовую культуру является необходимым элементом цивилизованного человека. Нарушение такого порядка ведёт к тяжёлым последствиям и трудностям. Потому то человек и вынужден играть по правилам, жить по принципам, продиктованным капиталистической системой и идеологией.

Культурная индустрия как инструмент принуждения действует хитрым образом. С одной стороны, кинематограф пытается максимально приблизиться к реальности, чем вызывает доверие у зрителя. Но, с другой стороны, происходящее на экранах никогда не произойдёт в действительности. М. Хоркхаймер в качестве примера приводит сексуальность. В эпоху капитализма происходит эмансипация сексуальности. Культурная индустрия борется с традиционными убеждениями и представлениями о сексе. Проявляется это в

обилии сексуальных сцен в каждом фильме. Это, по идее, должно показывать проявление подлинных, настоящих чувств. То, что ещё недавно было под запретом, а ныне широко представлено будет привлекать массы. Но именно тут зритель попадает на удочку индустрии. Открытая демонстрация сексуальных отношений полностью заменяет собой настоящее проявление чувств. Человек, с одной стороны, испытывает удовольствие и наслаждение от увиденного на экранах. С другой стороны, его разочаровывает, что подобные вещи в реальности неприемлемы и невозможны. Его всё меньше и меньше привлекает серая реальность, где «не так, как в кино». Дабы убежать от реальности и вкусить хоть немного запретного плода удовольствия, человек попадает в индустрию развлечений.

М. Хоркхаймер связывает иллюзии по части удовольствия с идеями проекта Просвещения. Прагматический подход к жизни и тайм-менеджмент вынуждает человека всё своё время рассматривать через призму критерия эффективности, максимальной выгоды. Время, проведённое на природе: наблюдение за закатом, созерцание ландшафта, прослушивание звуков леса – всё это объявляется неправильно и нерационально потраченным временем. Свободное время едва ли становится чем-то лучше времени, проведённого на работе, поскольку человеку всегда приходится искать занятие, которое принесёт пользу за отведённый промежуток времени. Поэтому человек по-настоящему не отдыхает во время реального отдыха. Он более не испытывает радостных чувств и удовольствия. У индивида притупляется эстетическая компонента человеческой сущности, ибо нельзя отныне наблюдать за природой просто так.

Далее М. Хоркхаймер отмечает, что массовое искусство не является искусством в классическом понимании. Классическое искусство представляет собой тяжёлый и кропотливый труд автора над своим творением, дабы выразить какой-либо конфликт: социальный, конфликт человека и природы и т.д. Массовое искусство представляет из себя набор уже готовых цепочек событий, результатом которых является мнимое единство сторон конфликта. Любые отклонения не приводят к чему-то принципиально новому, поскольку эти

отклонения происходят в рамках определённой системы, структуры, их результат будет сильно ограничен, обусловлен структурой.

Классическое искусство представляет собой традицию, определённую последовательность в смене форм искусства. То есть искусство является совокупностью, кладезем культуры: ценностей, идей, норм и т.д. Новые формы искусства возникают на почве, фундаменте достижений прошлого. Массовое искусство в современных условиях нарушает эту преемственность, связь с прошлым, закрепляя в качестве верной одну единственную истину – идеологию, которой должны следовать все.

Классическое искусство во главу угла ставит осмысление, рефлексию над произведением. Невзирая на то, что раньше искусство было для высших кругов общества, а автор нередко ставил своей целью заработать на своих творениях, оно выражало в себе конфликт человека и природы, столкновение людских интересов и т.д. Массовое искусство не оставляет пространство для мыслетворчества. Массовое искусство предоставляет набор готовых идей, которые легко сможет воспринять неподготовленный человек. И тут мы видим, что продукты культуры всё более становятся восприимчивыми для потребления, ради достижения зрителем мгновенного наслаждения.

Классическое искусство предполагает разнообразие стилей. Стиль понимается как специфический язык формы искусства, который закрепляет новый взгляд на вещи и оставляет простор для новых идей и осмыслений. Массовое искусство с её однотипными фильмами о любви, дружбе, войне невозможно отнести к тому или иному стилю. Также М. Хоркхаймер замечает, что невозможно массовое искусство также отнести к новой форме или стилю искусства. Стиль представляет собой идею и совокупность выражающих её элементов. Современное массовое искусство условно связывает элементы между собой. Немецкий мыслитель сравнивает это с соединением листов в одну папку. Тогда как настоящее искусство должно представлять собой хорошо выстроенные причинно-следственные связи между человеком, природой и социумом. Настоящее искусство привносит, что-то новое в человека, тогда как современное

искусство, наоборот, опустошает в результате созерцания. Так происходит по той причине, что в современном искусстве заранее не было какой-то прорывной, новой мысли, идеи изначально.

Таким образом, культурная индустрия – следствие капиталистической экономической системы, политической идеологии и влияния идей проекта Просвещения.

Далее представитель Франкфуртской школы рассматривает принцип индивидуальности, о котором громогласно заявляет массовое искусство. Индивидуальность – продукт наложения всеобщего на случайное. Тогда как индивидуальность в прочтении массового искусства является наложение всеобщего на всеобщее в месте под названием индивидуум. Такую индивидуальность немецкий мыслитель называет псевдоиндивидуальностью. Иначе говоря, на первый план выходит не индивидуальность, а стереотипность. За псевдоиндивидуальностью, по мысли М. Хоркхаймера, следует крах всей системы.

С точки зрения Франкфуртской школы, современное общество очень противоречиво. В нём соседствуют друг с другом такие понятия как эффективность, выгода, план, удовольствия. Основной характеристикой индустриального общества является бесконечное производство товаров и услуг. Бесконечное производство тесно связано с капиталистической системой. Общепринятым считается факт того, что производители учитывают вкусы и мнения покупателей при создании товаров и услуг. Но Т. Адорно и М. Хоркхаймер заявляют, что производство товаров и услуг отныне стало управлять массами, а не наоборот. Товар активно рекламируется, убеждая покупателя приобрести его. Также бесконечное производство представляет собой бизнес, где субъекты идентичны друг другу. Здесь усматривается влияние идей проекта Просвещения, где стирается индивидуальность и личностные качества субъектов. Они мыслятся теперь как сообщество, которое имеет свою ценность только в коллективном выражении.

Таким образом, социальная реальность с точки зрения М. Хоркхаймера основана на идеологии Просвещения. Под ней понимается стратегия выживания буржуазного строя, которая утверждает легитимность социальной несправедливости с помощью постулата о верховенстве логики и математики в утверждении истины. Идеология Просвещения строится на рациональности. Рациональность – неотъемлемая часть природы человека и существует в двух проявлениях: субъективная и объективная рациональность. Объективная рациональность – установка сознания субъекта, провозглашающая вечные истинные принципы и ценности, которые примиряют дуализм природы и духа в попытке представить мир как единую систему. Субъективная рациональность – установка познания субъекта, которая предполагает относительность истинности, сомнение в вечных постулатах традиционной философии. Выбор любой из этих позиций подразумевает порабощение человеком природы. Идеология Просвещения заключается в подчинении человека и природы через разум. Подчинение проявляется в единении духа и природы, опровержение мифов, устранение символического, игнорируя настоящий разрыв между теорией и социальными условиями.

С точки зрения М. Хоркхаймера, рациональность появляется ещё у Платона и Аристотеля, однако своё полное воплощение находит в идеях Просвещения в Новое время. Приоритетной целью Просвещения ставит искоренение мифов, прояснение тайного, сокрытого как предназначение рационального субъекта. Подобное поведение объясняется мифическим ужасом человека перед силами природы. В попытке свести на нет всё иррациональное, мифическое проект Просвещения сам превратился в миф. Отделяя себя от мифологии, проект Просвещения запрещает говорить о невозможности познания, ссылаясь на выход за пределы разумного.

Проект Просвещения стимулирует развитие капиталистической системы. Рыночные отношения и развитие технологий рождают такие явления как массовое производство и массовую культуру. Представитель Франкфуртской школы называет массовую культуру культурной индустрией или

культиндустрией. Под ней он понимает бесконечное производство продуктов культуры в лице кино, где теряется всякий смысл, а рефлексия невозможна. Культурная индустрия – инструмент принуждения и насилия, поскольку увиденное зрителем на экранах, принося наслаждение, не может быть реализовано в реальной жизни. Мнимое ощущение удовольствия является выражением идей проекта Просвещения, где ключевым элементом становится прагматизм и тайм-менеджмент. Прямое, жёсткое принуждение заменилось на косвенное более лёгкое – пропаганду через рекламу, телевидение, радио. Такое принуждение не воспринимается как что-то негативное. Напротив, складывается иллюзия заботы и поддержки. Именно к таким негативным последствиям ведёт технический прогресс общества. Культурная индустрия является механизмом, соотносящим получаемые чувственные данные с понятийным аппаратом. Человек смотрит на мир глазами культурной индустрии.

Глава 2: КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА З. БАУМАНА

2.1. Понятие критической теории З. Баумана

Зигмунт Бауман – польский и английский социолог, профессор Лидского университета. Автор множества научных работ, где рассматриваются проблемы современного общества. Наиболее известные из них: «Индивидуализированное общество» и «Текучая современность». В своих работах, З. Бауман рассматривает такие явления как глобализация, модерн, постмодерн, общество потребления. В своём анализе современного общества З. Бауман опирается на такие течения социальной мысли, как французский структурализм и Франкфуртскую школу. Как идейный последователь М. Хоркхаймера З. Бауман отдает ему должное и заявляет, что критическая теория общества Франкфуртской школы соответствовало духу своего времени. Критическая теория общества Франкфуртской школы в качестве объекта исследования брала на рассмотрение тоталитарные режимы. В то время актуальным считались нечеловеческие тоталитарные эксперименты, где цель оправдывала средства, всё делалось во славу технологическому прогрессу, а главным принципом считался порядок. «Эта тяжелая/твердая/плотная/системная современность эпохи «критической теории» таила в себе тенденцию к тоталитаризму. Тоталитарное общество с всеобъемлющей, обязательной и навязанной однородностью постоянно и угрожающе маячило на горизонте...» [11, с. 32]. Эти явления, согласно позиции М. Хоркхаймера, берут свои корни из проекта Просвещения, который задал прагматическое, инструментальное отношение к вещам. Критическая теория своей целью ставила освобождение человека, раскрытие его индивидуального, свободного, творческого начала, борьбу с бездушной государственной машиной.

С точки зрения З. Баумана: «...ранняя критическая теория видела освобождение личности из железных тисков рутины или избавление человека от стального футляра общества, страдающего ненасытным тоталитарным, усредняющим и унифицирующим аппетитом, в качестве основной цели

освобождения и конца человеческого страдания — момента «выполнения миссии» [11, с. 33].

Создавая концепт «индивидуализированного общества», которое возникло в текущем модерне, Бауман анализирует трансформации социального мира, социальную структуру и положение в ней конкретного индивида, специфику мироощущения и самоидентификации человека нового общества. В первую очередь, З. Бауман рассматривает индивидуализацию как основополагающий процесс, определяющий сущность социального порядка. Индивидуализация приобретает все новые формы, так как оба участника процесса, человек и общество, находятся в постоянном движении. Больше не существует «Большого Брата», следящего за людьми или же поддерживающего их посредством предоставления системы социальных гарантий. Индивидуализация – это процесс преобразования идентичности из «дано» в «найти» [7, с. 12].

Дальше З. Бауман говорит, о том, что у общества XX и общества XXI века присутствуют как схожие черты, так и различия. Схожесть – «...навязчивая, непрерывная, непреодолимая, вечно незаконченная модернизация; непомерная и неискоренимая, неутолимая жажда творческого разрушения (или разрушительного творчества, как может быть на самом деле: жажда «расчистки места» во имя «нового и улучшенного» замысла; «демонтажа», «урезания», «свертывания», «слияния» или «уменьшения габаритов» ради повышения способности еще больше делать то же самое в будущем — увеличивать производительность или конкурентоспособность)» [11, с. 35].

Первое отличие современного общества XX века и современного общества XXI века: «постепенный крах и быстрый конец иллюзии времен ранней современности: веры в то, что есть конец дороге, по которой мы движемся, достижимая цель исторического изменения, состояние совершенства, которое будет достигнуто завтра, в следующем году или в следующем тысячелетии, некое хорошее общество, справедливое и бесконфликтное во всех или некоторых из многих его постулированных аспектов, таких как устойчивое равновесие между спросом и предложением и удовлетворение всех потребностей,

совершенный порядок, в котором все стоит на своих местах, нет ничего неуместного и никакое место не вызывает сомнения, дела людей полностью прозрачны благодаря тому, что известно все, что нужно знать, полная власть над будущим — настолько полная, что она ликвидирует все случайности, разногласия, двойственное отношение и непредвиденные последствия человеческих дел». [11, с. 36].

Второе отличие: «отмена государственного контроля и приватизация задач и обязанностей модернизации. То, что обычно считалось работой, выполняемой коллективными усилиями, и достоянием всего человеческого рода, было фрагментировано («индивидуализировано»), возложено на индивидуальные внутренние резервы и оставлено на волю человека и его ресурсы» [11, с. 37].

Итак, с точки зрения З. Баумана, изменения в общественной жизни повлекли за собой изменения в критической теории. У общества нет больше того «Большого брата», который следил бы за всеми, стремился построить «справедливое, бесконфликтное» общество. Теперь общественная жизнь стала фрагментирована, индивидуализирована. Объект критики смещается с государственной машины на самого субъекта. Можно говорить о «...смещении этического/политического дискурса с фрейма «справедливого общества» на фрейм «прав человека», то есть перенос внимания в этом дискурсе на право человека оставаться отличным от других и по собственному желанию выбирать модели счастья и соответствующего образа жизни». [11, с. 37].

Вся ответственность за свою жизнь ложится на самих индивидов, что вызывает огромное напряжение сил и чувство вины у последних. «Приватизация ... означает навязчивую самокритику, порожденную бесконечным недовольством собой: быть индивидуумом де-юре означает не обвинять никого в собственных страданиях, искать причины собственных поражений только лишь в собственной лени и праздности, и не искать никаких других средств, кроме большего усердия» [11, с. 46].

Ответственность проявляется в свободном выборе, то есть возможности выбрать жизненный путь, руководствуясь имеющимися ресурсами. И тут

возникают трудности, поскольку свободный выбор всегда ограничен. Происходит это потому, что свободный выбор должен происходить в рамках гражданского социума. Но всё происходит совсем наоборот. Как считает К.Е. Троицкий, в моральные субъекты в контексте групповой универсальной морали З. Баумана «растворяются» во всеохватывающем «мы». В свою очередь, главные причины желания укрыться за «мы» в рассматриваемых З. Бауманом идеологиях универсализма и коммунитаризма, заключаются в неисчерпаемой и тревожащей неясности, охватывающей амбивалентность поступка, тяжести личной моральной ответственности и сложности выбора [30, с. 10].

Общественное пространство опустело, поскольку акценты сменились в пользу частной жизни индивидов. На любой общественной платформе происходит защита собственных интересов. Здесь проявляется разница между идеальным свободным выбором и реальным.

Дабы свободный выбор, действительно, являлся таковым необходимо иметь гражданское общество, которое бы поддерживало порядок и баланс сил в обществе. «Нет независимых людей без независимого общества, и независимость общества требует сознательного и постоянно осознаваемого самоопределения» [11, с. 48-49].

Таким образом, критическая теория XXI века занимается не борьбой с жестокой тоталитарной государственной машиной, как это делала её предшественница, а пытается найти точки соприкосновения индивидов и власти. Если люди утопают в каждодневном индивидуальном выборе, то власть пытается ускользнуть из общественного поля и вести наблюдение за индивидами.

Задачей критической теории является прояснение событий, происходящих в обществе. Критическая теория Франкфуртской школы защищала творческую, утончённую натуру индивида от нападков со стороны тоталитарной государственной машины, тогда как современная критическая теория защищает общественное поле от нападков частных интересов. «Именно общественная сфера сейчас остро нуждается в защите против вторжения частного» [11, с. 60].

В каком-то смысле критическая теория также пытается освободить индивида, как и до этого. Но в силу изменений в структуре общества меняются и задачи критической теории. Теперь нужно возвращать и вдохнуть вторую жизнь в общественную сферу для защиты свободы индивидов.

Таким образом, по мнению З. Баумана, в современном социуме усилия критической мысли должны быть направлены на осмысление процесса опустошения общественного и захват его частным в условиях «текучего» и индивидуализированного общества. Именно это дарует индивидам настоящую, подлинную свободу.

Далее З. Бауман развивает свою мысль в работе «Спор о постмодернизме». Он считает, что человеческую жизнь необходимо рассматривать не с позиции административного контроля, а как произвольные слабосвязанные между собой действия. «Речь идет главным образом о видении действительности человеческого общежития не как объекта административного воздействия, нормативного регулирования и функциональной координации, но как области самопроизвольных и слабо скоординированных процессов...» [12].

Другим важным моментом этой работы является призыв З. Баумана отказаться искать «...сплоченных целостностей типа "общества"...» [12]. Все общественные процессы проистекают на едином поле, где каждый элемент связывается друг с другом без какой-то строгой последовательности, иерархии, связи.

Также З. Бауман призывает отказаться искать псевдоцелостности типа «культура». «Пора перестать искать и мнимо связные, будто бы системные псевдоцелостности типа "культуры", которую сегодня мы склонны рассматривать как поле творчества и коммуникации, производства и чтения знаков, непрерывных и никогда не повторяющихся процессов их преобразований, самоопределения и трансцендирования. Культура — это поле, где все мы авторы и актеры ... поле, где будущность, подобно вихреобразным порядкам, всегда локальна и улавливает текущие начинания...» [12]

Основательной ревизии хочет подвергнуть З. Бауман понятие системы. Он говорит, что необходимо отбросить понимание системы как нечто стабильного состояния, где присутствует порядок. Релевантной становится понимание системы, как чего-то неоднозначного, противоречивого, где сталкиваются и соединяются разрозненные различные элементы. Такую систему невозможно проанализировать на предмет прогноза будущих событий. Мы лишь можем рассмотреть все возможные варианты развития событий.

Потому З. Бауман следующим образом формулирует задачу критической теории общества – установление всех вариантов развития общества, где наличествует человеческая свобода. Чем этих вариантов больше, тем лучше. Большее число исходов предоставляет возможность для выбора, реализации человеческой свободы.

2.2. «Текущая современность»

3. Бауман характеризует современное общество как «эпоху постмодернити». Можно выделить два сменяющих друг друга типа модернити: романтический и реалистический. В. Иноземцев выделяет три ключевых принципа романтической постмодернити: «Во-первых, люди равны как субъекты, обладающие моральными качествами... Во-вторых, люди равны как граждане, обладающие равными юридическими правами. В-третьих, они равны как хозяйствующие субъекты, с их свободой воли и действий» [9, с. 17]. Романтическая модернити свой целью ставит достижение равенства людей по трём вышеназванным принципам. Однако подлинного равенства добиться не выходит, поскольку юридическое равенство и свобода воли уравнивают людей не как субъектов, а «...как объективные средства, позволяющие другим людям достигать их целей» [9, с. 17]. На смену романтической модернити пришла реалистическая модернити. В рамках реалистической модернити такие элементы как «предельный индивидуализм, ничем не ограниченная свобода, максимальная изменчивость и т. д.» [9, с. 18] получили свой полноценный облик.

3. Бауман считает, что модернити приходит в тот момент времени, когда появляется необходимость ликвидировать отжившие методы господства над личностью, в том числе и формы политического контроля. Происходит это не в XX веке одновременно с глобализацией, а ранее – с буржуазными революциями XVII – XVIII вв. Последние, направленные против аристократии, били по самой идее государства как института. Именно в этот момент «Политика ... проиграла сражение с «экономическими силами» [9, с. 18]. В таком случае, романтическое модернити не столько преумножает могущество институтов государственной власти, сколько помогает им выжить. 3. Бауман сравнивает нынешнюю сильную политическую власть с «партизанскими отрядами», которые уничтожает армия международного капитала и финансов. 3. Бауман продолжает идеи М. Хоркхаймера о том, что современное положение дел в обществе имеет свои корни в Новое время.

3. Бауман пишет, что освобождение индивидуальности, отказ от сословного деления, нивелирование традиций приводит к череде неконтролируемых процессов. Индивидуализм, главной целью которого является достижение материального благополучия, лавинообразно приводит к унификации всех материальных ценностей. Унификация, в свою очередь, приводит к массовости. Массовизация ведёт к неконтролируемым человеком закономерностям, слагающим вместе бесчеловечную систему.

Весь XX век был пронизан пугающими прогнозами относительно индустриального общества. Самый главный из них – подавление личной свободы методом государственного вмешательства в жизнь индивидов. Страхи того поколения выразили: Адорно, Арндт, Кассирер, Фромм, Хаксли, Хоркхаймер и Оруэлл.

Э. Фромм в своём труде «Иметь или быть» считает, что в XX веке мировоззрение человека сильно поменялось. Радикальный гедонизм с сопутствующими ему эгоизмом, жадностью и т.д. стал основной системой существования общества. Э. Фромм выделяет два модуса существования: иметь и быть. Быть – спокойствие души, размеренность жизни, творческая реализация. Иметь – бесконечное потребление, получение пользы. Обладание всегда стремится к бытию, но только, кажется, и никогда не является. По мнению Э. Фромма, навязывание, насаждение культа потребления является ничем иным как стремлением искоренить свободу индивида [32].

В мире «1984» Дж. Оруэлла перед нами предстаёт мощная тоталитарная система, которая во внешней политике ведёт нескончаемые войны, а во внутренней живёт в атмосфере страха и трепета за свои мысли и действия. Всем: и общественным, и частным управляет партия. Для закрепления своей власти образ государства обретает ореол таинственности и святости, иначе говоря, обожествляется и называется «Большим братом». «Большой брат» наблюдает за всеми членами общества, ликвидируя тех, кто действует не по регламенту или странно себя ведёт. Даже сами мысли могут стать причиной для преследований и гонений. Большого брата можно только любить и ненавидеть всех его врагов.

[28]. «1984» отражает те страхи и опасения, которые возникали у интеллигенции по поводу будущего устройство общества, где свобода творчества, индивидуальное начало ставится под сомнение, и на первое место выходит контроль и порядок. «Старший Брат в книге Оруэлла хотел, чтобы поведение каждого человека отвечало его желанием. Он абсолютно точно знал, чего он хочет от каждого подданного, и не терпел малейшего непослушания. Оруэлловский Старший Брат распоряжался судьбами своих подданных от самого их рождения до смерти. Кроме того, Старший Брат требовал от своих жертв благодарности и любви к себе; он правил страной, в которой царствовали двуличие и демагогия. В ней рабство означало свободу, боль - исцеление, угнетение – раскрепощение» [9, с. 26].

Иную точку зрения касательно будущего человечества описывал О. Хаксли в своём «Дивном новом мире». Здесь всё научно-техническое знание работает на то, чтобы каждый член общества физически испытал счастья. С одной стороны, цель правильная и благородная. Но, если подумать, счастье навязывается элитами и создаётся искусственно. Поэтому ни о каком всеобщем счастье говорить не приходится. Стремление к знанию не делает тебя счастливым, а нагоняет страха, порождает неуверенность в себе. «Меньше знает, больше спит» [35].

Далее З. Бауман обращается к телешоу «Старший Брат», стремительно набирающем обороты в годы публикации работы. В рамках этой программы двенадцати участникам необходимо было существовать на острове. Периодически организаторы им отправляли задания. Для выполнения заданий было разрешено объединяться в команды, что участники и делали. Тем не менее победитель мог быть только один. «Они заранее знают, что всем им суждено одному за другим покинуть эту команду, и задача каждого - добиться, чтобы другие сделали это раньше тебя... Если этого не удастся, то тебя исключат те, кого ты пощадил или не смог вовремя вытеснить». [9, с. 23]. Никакой связи с внешним миром не было, поскольку всеми вещами, продуктами и заданиями

участников обеспечивали организаторы. В чём же заключается секрет успеха этой передачи?

Дело в том, что «Старший Брат» показывает обыкновенную жизнь сотен миллионов мужчин и женщин. Они соотносят свою личную жизнь с судьбами участников программы. Достигается подобный эффект через публичную исповедь участников перед телекамерой, где побеждённые и победители делятся своим опытом. У каждого опыт уникальный и неповторимый, но у всех историй есть общее связующее звено – успех, равно как и неудача зависит от собственных приложенных сил, то есть от самого участника. Чувство ответственности ложится тяжким грузом на плечи индивида, даже в тех случаях, когда речь идёт об вещах, неподконтрольных воле человека – объективной реальности.

З. Бауман считает, что нынешний «Старший Брат» отличается от своего побратима Оруэлла. «Старший брат» незрим. Каждый знает, что он существует, но этой информации недостаточно, чтобы делать какие-то далеко идущие выводы. Он не требует к себе любви, поклонения и верности. Ему безразличны ваши заслуги и неудачи. Для него все одинаково равны. В этом проявляется роль «Старшего брата», как беспристрастного судьи, но его нельзя назвать жестоким, скорее безразличным. Он обеспечивает своих подопечных только средствами, но не целью. «Старший брат» является сжатой, схематичной, очищенной моделью социальной действительности.

По З. Бауману государственные институты охотнее передают свои полномочия обычным гражданам, делая ставку на чувство вины и неуверенность последних. Но не следует думать, что национальные правительства полностью сложили свои полномочия и стали пассивными участниками процесса, напротив, они стали более активны в своей работе, чем за весь предшествующий период. Их активность схожа с действиями «Старшего брата» из телешоу. Они заставляют людей верить в свои собственные силы и винить самих себя, если результат не оправдал ожиданий. «Правительства заняты внушением народу того, что «альтернативы не существует», что «безопасность предполагает зависимость», а «защита со стороны государства лишает самостоятельности», и

побуждают граждан к большей гибкости и получению удовольствия от риска...» [9, с. 27]. Сконцентрированность на каждодневных решениях сужает пространства для мысли до настоящего момента в конкретной человеческой жизни. По этой причине человек думает, что может изменить своё положение исходя из собственных усилий и никаких больше.

Далее З. Бауман пишет, что поданные современных государств являются индивидами по воле судьбы. «...то, что определяет их индивидуальность, - их ограниченность в собственных ресурсах и личная ответственность за результаты принимаемых решений, - это не предмет их собственного выбора» [9, с. 28].

Не следует думать, что национальная политика изменилась лишь в социальной сфере. «Современный политический суверенитет государств есть лишь слабая тень многогранной - политической, экономической, военной и культурной – автономии держав прошлого, создававшихся по образцу тотального государства...» [9, с. 28]. На сегодняшний день суверенные государства не могут тягаться с давлением глобализированных капитала, финансов и торговли. Государства вынуждены подчиняться правилам игры, где на первый план выходят конкуренция, свободная торговля, мировые рынки, глобальные инвесторы. Поэтому, если граждане попросят у государств восстановления прежних правил и норм справедливости, те, в свою очередь, ничего не смогут сделать.

Современное государство находится в двойственном положении. С одной стороны, ему выгодно перекладывать ответственность на плечи граждан и сокращать сферу влияния в общественном секторе. С другой стороны, государства не способны что-либо решать даже в пределах своих компетенций: никаких норм защищённости, коллективных гарантий, этических принципов, моделей справедливости.

Помимо индивидуализированности З. Бауман выделяет ещё одну отличительную черту современного общества – текучесть. Её можно обнаружить во всех сферах жизни общества и человека. Взаимные обязательства государства и граждан потеряли всякий смысл.

По мнению С.А. Батуренко, общественное больше не направлено на колонизацию частного и выступает в качестве «сцены, на которой разыгрываются частные драмы [7, с. 13].

Текущность составляет костяк человеческой цивилизации в эпоху постмодерна. Она проявляется в взаимоотношениях между богатыми и бедными. Здесь З. Бауман продолжает мысль Ж. Бодрийера из «Общества потребления». В современном обществе потребление стало выступать в качестве показателя всей эпохи с её иллюзией свободного выбора и достижением новых социальных статусов [15].

Стремление к бесконечным покупкам имеет под собой ряд причин. Во-первых, ощущение нестабильности в постмодернити побуждает индивида искать временное спокойствие в выборе готовых образов, которые можно найти в магазине. Во-вторых, потребительское поведение, характерное для элитных слоев общества, проникло в бедные слои населения. Свобода выбора для последних едва ли не единственная возможность ощутить свободу выбора. Но эта свобода выбора иллюзорная. Элитные слои общества имеют не только свободу выбора, но и ресурсы, с помощью которых выбор становится свободным. Неудача не является фатальной, им есть, что терять. У бедных слоёв населения подобных ресурсов нет.

Агрессия является тем узлом, по которому проходит взаимодействие с обществом. Человек без опоры на общественное не добивается своих целей. Его одолевают негативные чувства, поскольку чувство вины и неполноценности в эпоху модернити человек не может избежать. Человек уже не видит смысла в жизни. Все его переживания, негативные эмоции находят свой выход в агрессии. Но такая агрессия сильно отличается от агрессии предшествующих времён, когда формой выражения агрессии являлись забастовки, революции, войны и т.д. Иначе говоря, в прошлом агрессия выражалась на уровне коллектива, а сейчас больше на приватном, частном уровне. По этой причине местом сосредоточения агрессии становится дом, работа, узкий коллектив. К примеру, человек из кожи вон лезет на работе, будто это вопрос жизни и смерти. Подобные формы

замещения агрессии не имеют смысла, поскольку частные действия не могут преодолеть системное противоречие, которое заключается в вечном недостатке ресурсов для достижения целей. Невзирая на то, что человек мало, что может с этим сделать, чувство вины будет преследовать его всё время. К этому следует добавить, что выход агрессии должен быть контролируемым и ограниченным, в противном случае чрезмерная агрессия станет проблемой для других членов общества. Поэтому, ограничивая себя, человек негативно влияет на своё психическое состояние.

3. Бауман вводит ряд терминов для описания устройства современного общества – модернити и постмодернити. Модернити – модель социальной реальности, где на ведущую роль выходит урбанизация и индустриализация, а элементы капиталистической системы внедряются во все сферы жизнедеятельности как индивида, так и общества в целом. Примерные временные рамки модернити можно определить с конца XIX века до середины XX века. Постмодернити – модель социальной реальности, где на первый план выходят глобализация, индивидуализация и текучесть общества, сопровождающиеся чувством неуверенности в завтрашнем дне и потере общественного единства. 3. Бауман считает, что в эпоху постмодернити рушатся привычные социальные институты, традиции, нормы, ценности в силу вышеназванных процессов. К примеру, университет всегда считался колыбелью знания, где студенты приобщались к знаниям и ценностям прошлого через своих преподавателей. На сегодняшний день ситуация изменилась. Началось стремительное развитие дополнительного образования, которое даёт возможность получать актуальные и прикладные знания в узкой сфере, чего не всегда может дать университет. Далеко не всегда из университета выходят предприниматели и бизнесмены. А индивид всегда стремится к получению самого лучшего. Если раньше университеты были центрами политической, экономической и интеллектуальной жизни, то теперь им приходится бороться за студентов с другими заведениями.

Важно сказать про понятия постмодерна и модерна в философии З. Баумана. Эти понятия являются дискуссионными и проблемными. В одной из своих лекций «Спор о постмодернизме» философ пытается разобраться в общественных процессах, критически их рассмотреть. Но какой смысл в споре об эпохе постмодернизма? Сам З. Бауман: «На карту поставлен капитал ... под марками философии, социологии или других гуманитарных наук...» [12, с. 71]. Впоследствии гуманитарные науки пытались описать мир с точки зрения административной перспективы. З. Бауман выделяет ряд следствий, вытекающих из мышления «администрации». Во-первых, моделируемый мир целостный. В социологии такой целостностью выступало общество и культура, где частные проявления являлись частью единого, общего организма. Во-вторых, моделируемый мир представляет собой сплоченную, слаженную целостность по образу и подобию механизма. Этот мир функционирует только потому, что каждая его часть, каждый винтик выполняют свои функции и обязательства. В-третьих, мир представляется как проект в процессе реализации. Проектная деятельность позволяет своё время распланировать, разбить план на этапы [12].

З. Бауман считает, что административная точка зрения упускает из виду отличительную черту времени, в котором нам выпало жить. Заключается она в том, что «Сегодня мы живем проектами, а не Проектом». Иначе говоря, постмодерн представляет собой не единый проект, а бесконечное множество этих проектов. Проектирование и его реализация подверглись приватизации, дерегуляции и фрагментации.

Время Суперпроекта, который не признает множественность подходит к концу. Во-первых, всеобщность проекта требует власти с универсальными претензиями. Такой власти пока не существует. Во-вторых, история знает множество неудачных примеров построения совершенного общества: тысячелетний Рейх, райский сад коммунизма. В-третьих, современная цивилизация имеет в себе множество противоречий. Мы привыкли думать, будто культура служит современному обществу. Однако она служит особым

образом, зорко наблюдая, критикуя и придираясь к каждому шагу. Современная культура есть культура сомнения, критики и сопротивления.

Таким образом, текущая современность по З. Бауману иллюстрирует стадию кризиса современного общества. Под текущей современностью можно понимать общественное устройство, при котором на одном поле действуют различные силы, не связанные между собой и не подчинённые единому центру. При индивидуализации общества граждане теряют уверенность в завтрашнем дне. Власть большую часть своих обязанностей перекладывает на плечи самих индивидов, убеждая последних в том, что их судьба и успех зависят лишь от их собственных сил. Чтобы почувствовать вкус свободы люди пытаются потреблять как можно больше. Понимание постмодерна как единого утопического проекта не считается более релевантным. Самое лучшее средство оценки социальной реальности является рассмотрение общества как множество проекта без попытки связать их между собой в единую картину.

2.3. Сравнительный анализ критической теории общества М. Хоркхаймера и З. Баумана

Сопоставляя две позиции касательно критической теории общества можно выделить как сходства, так и отличия. Отличие заключается в том, что М. Хоркхаймер писал о современном ему обществе XX века, тогда как З. Бауман описывал положение конца XX – начала XXI века. За эти неполные сто лет изменилась сама социальная реальность, появились новые формы общества, с которыми и имеет дело критическая теория.

Первое отличие, которое можно определить, это разный исторический контекст критической теории. В случае М. Хоркхаймера тоталитарные режимы являются следствиями объективной или субъективной рациональности. Проект Просвещения закрепил формализацию рациональности, превратил разум в инструмент. Идеи Просвещения вступили в соединение с технологическим развитием человека, в результате чего произошли ужасающие события: две мировые войны, репрессии, концентрационные лагеря, ядерное оружие и т.д. М. Хоркхаймер уверен, что ставка на разум субъективный либо объективный есть условие жизни человека, поскольку позволяет расколдовать мир, убрав из него всё мистическое и магическое.

По мысли М. Хоркхаймера, общество пронизано культурной индустрией или культиндустрией. Создание фильмов, книг по шаблонам или идеализацией какой-либо из частей: нереалистичного, пошлого, экстравагантного искажает материал, лишает его смысла. Культурную индустрию нельзя назвать искусством, так как у неё нет никакой связи с традицией, историей, культурой, а социальные или экзистенциальные проблемы размыты. Все сюжетные ходы прописаны заранее. Таким образом, критическая теория общества М. Хоркхаймера появилась в атмосфере тоталитарного общества и господстве культурной индустрии.

Исторический контекст, который повлиял на З. Баумана несколько смещает акценты. В приоритете не борьба с мощным аппаратом тоталитарной системы, а изучение текучей современности. Идея единого проекта социальной

реальности уже не релевантная. Актуально представлять реальность как множество проектов с непредсказуемым движением. Люди вроде бы как получили свободу, на самом деле, лишь её иллюзию. В умах утверждается мысль, что полагаться нужно только на собственные силы, поскольку государственные институты ныне не способны выполнять свои обязательства. На основе этого З. Бауман выделил следующие особенности текущей современности: индивидуализированность, культ потребления, изменчивость и многоплановость.

Индивидуализированность, по мысли З. Баумана, проявляется в том, что общественное пространство опустело. Отныне человек остался один на один со своими проблемами и грузом ответственности за всё, что происходит в его жизни. Индивид больше не ощущает связь с другими. Поэтому З. Бауман считает, что настоящая свобода возможна только в рамках активного, полного событий общественного пространства.

Культ потребления и текучесть общества – результат капиталистической системы. Телевидение, реклама, товары через все эти вещи проходит пропаганда определённой идеологии. Текучесть показывает, насколько быстро может меняться властные, общественные и экономические институты. Растущее неравенство между богатыми и бедными, показывает, что потребление становится единственным рычагом, способным найти уют и спокойствие в этом безумном мире. Что-либо предугадать или предсказать в таком мире невозможно. З. Бауман считает, что текучую современность нельзя изучать как единый проект, у которого возможно спрогнозировать поведение, поскольку индивидуализированность проникает во властные институты, потому власти перекладывают на плечи граждан свои обязанности. Таким образом, критическая теория общества З. Баумана появилась в атмосфере текущей современности и непредсказуемых проектов реальности.

Второе различие касается задач, которые перед критической теорией общества ставили мыслители. М. Хоркхаймер считает, что традиционная теория не справляется, ибо не рассматривает всю глубину понятий, слагающих нашу

реальность. Новая критическая теория, по замыслу М. Хоркхаймера, должна критиковать общеизвестные понятия рациональности и т.д. Но не только понятия требуют критики. Само сознание затуманено объективным либо субъективным разумом и здесь важно соблюдать баланс, дабы разум не скатился к одной из установок сознания. А человек неизбежно гипостазирует одну из установок, поскольку господство и властвование над природой и обществом присуще человеку от рождения.

З. Бауман считает, что современная ему критика «беззубая» и не затрагивает фундамент социальной реальности. Он говорит об ещё одном типе критики – самокритике. Самокритика доступна каждому, поскольку на каждом лежит ответственность за субъективные и объективные стороны жизни. Как уже было сказано выше, задачей критической теории является реанимация общественного пространства, дабы хоть как-то связать граждан и власть. Спасать общественное необходимо от нападков частных интересов. При этом, З. Бауман говорит, что социальную реальность необходимо рассматривать не как целый, единый проект, а как множество этих проектов. Необходимо подвергнуть ревизии такие понятия как система, общность.

Обратив внимание на сходства между теоретическими концепциями критической теории общества у М. Хоркхаймера и З. Баумана, можно отметить их схожий подход и задачи. В своей работе "Спор о постмодернизме", З. Бауман подчеркивает важность использования понятийного аппарата социологии, философии и критической теории в целом. Однако его основной целью является освобождение индивида от мышления, которое сводит его к объекту административного воздействия и функционального регулирования. Пересмотр понятий представляет собой глубокую работу с мышлением, направленную на освобождение индивида от утопической тоталитарной системы. Задача критической теории общества заключается в помощи субъекту осознать происходящие процессы и защитить его от иллюзии о строительстве счастливого будущего, ради которого стоит терпеть.

Здесь можно видеть сходство с целью М. Хоркхаймера, которая выдвигала идею о свободе мышления индивида от тоталитарной рациональности. Иначе говоря, критическая теория общества М. Хоркхаймера также была нацелена на критику понятий, исходящих от рациональности, утверждённой проектом Просвещения.

Таким образом, критическая теория общества в понимании М. Хоркхаймера и З. Баумана занимается освобождением мышления от общепринятых обществом установок и понятий. Свобода мышления также предполагает серьезное изучение экзистенциальных противоречий человеческого существования, поэтому критическая теория общества может облегчить путь к познанию и осмыслению жизни индивида.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце работы можно сделать следующие выводы: Во-первых, критическая теория общества М. Хоркхаймера отображает проблемы современного общества. Причиной этих проблем – рациональность, являющаяся фундаментом проекта Просвещения. Стремление субъекта применить субъективный либо же объективный разум приводит к покорению и контролю реальности. Потому критическая теория ставит под сомнения понятийный аппарат, на котором покоится современное общество. Критика понятийного аппарата является критикой сознания, потому как первое закладывается с ранних лет и формулирует нашу картину мира. По мнению М. Хоркхаймера, если не проводить рефлекссию и критику понятийного аппарата, оставаясь в фарватере традиционной теории, индивид никогда не станет свободным.

Во-вторых, по М. Хоркхаймеру, социальная действительность имеет под собой опору в виде проекта Просвещения, включающего в себя технологическое развитие, реализующееся в форме культурной индустрии и культа потребления. Принципы проекта Просвещения наставляют на то, чтобы познать всё и не оставлять места магическому и неизведанному. Поскольку человек не может полностью подчинить природу своей воле, именно чувство страха перед неизвестным стимулирует его к изучению нового. Просвещение, ведя борьбу с мифом, пытаясь всё рационализировать, в конечном счёте, само стало мифом. Просвещение создало очерченный круг фактов, без которых немислимо какое-либо представление о действительности. Формализация и инструментализация разума привели к тому, что понятия потеряли своё строгое содержание. Отныне они отсылают к государственной машине, могуществу, порядку.

Культурная индустрия (культиндустрия) показывает, как низко пала человеческая культура. Капитализм и культ потребления ведёт к имитации культуры. Она более не связана с традицией прошлых лет. Кинематограф, радио и книги показывают жизнь человека конкретно здесь и сейчас с использованием спецэффектов, дабы удержать внимание зрителя. Все сюжеты банальны и однотипны. Они не направлены на какое-то глубокое размышление и

интерпретацию. Никому более не нужны рефлексия, потому общество принуждает людей принимать реальность как неизбежное явление.

В-третьих, критическая теория общества З. Баумана действует в состоянии «текущего» и индивидуализированного общества. Состояние социальной действительности можно описать как уход общественного и его замена частным. Провозглашаемая свобода субъекта фактически иллюзия выбора. Объективные условия, не зависящие от субъекта, делегируются ему в обязанность. Это приводит к тому, что критика не затрагивает основ общества, и ограничивается преимущественно самокритикой. Человека всюду преследует чувство вины. З. Бауман считает, что свободу субъектов возможно достичь только в том случае, если каждый член общества будет активно участвовать в социальной жизни, осознавая свою связь с другими. Потому критическая теория общества не занимается критикой частного, а пытается восстановить и защитить общественное. З. Бауман говорит, что критическая теория должна ставить под сомнения такие понятия как система, целостность. Общество более нельзя изучать как один единый проект, только лишь совокупность, множество проектов, предсказать поведение которых не представляется возможным. Потому критическая теория не должна делать утопичные прогнозы будущего.

В-четвертых, критическая теория общества З. Баумана напрямую зависит от социальной реальности. Ключевыми элементами современной общественной системы называются: текучесть, изменчивость, индивидуализированность. Под текучестью понимается непредсказуемость явлений и событий. Изменчивость говорит, о том, что мы не можем гарантировать что-либо, что событие не сменит резко вектор своего развития. Индивидуализированность говорит о раздробленности индивидов, в руках у которых оказались обязанности общественных институтов. Общественное пространство опустело, поскольку индивиды не заняты строительством общего справедливого общества, а пытаются свести концы с концами, ведя борьбу на выживание.

Таким образом, можно заметить, что критическая теория М. Хоркхаймера и З. Баумана отображают актуальное на их момент времени состояние

общественной системы. Критическая теория общества М. Хоркхаймера своей ключевой целью ставит освобождение творческого потенциала, индивидуальности от тоталитарной системы подавления. Критическая теория З. Баумана стремится разграничить общественное и частное, так как общественное является фундаментом, на котором стоит гражданское общество и возможна «полноценная» реализация свободы. Обе теоретические концепции критикуют понятийный аппарат современного общества. Здесь можно сказать происходит критическое осмысление мышления с целью сделать людей свободными и облегчить их жизнь. Трансформация критической теории общества от М. Хоркхаймера до З. Баумана является трансформацией социальной действительности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Aidnik M. The U-turn of utopia – Utopia, socialism and modernity in Zygmunt Bauman's social thought / Martin Aidnik, Michael Hviid Jacobsen // Irish Journal of Sociology 2019, Vol. 27(1) P. 22–43.
2. Horkheimer M. Critical theory selected essays / Max Horkheimer / Translated by Matthew J. O'Connell and others. – New York: Continuum, 2002. – 312 с.
3. Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie: Fünf Aufsätze. Berlin: FISCHER Taschenbuch, 1992. – 304 S.
4. Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, перевод на русский язык: М. Кузнецова. — СПб., 1997. – 312 с.
5. Багдасарьян Н. Г. «Динамическое теоретизирование» З. Баумана: критическая оптика или поиск жизненных стратегий? / Н. Г. Багдасарьян, М. П. Король // Философия науки и техники, 2016. Т. 21. № 2. С. 182–191.
6. Багдасарьян Н.Г. Ностальгия по прошлому или в будущее — с надеждой. Рец. на кн.: Бауман З. Ретротопия /Зигмунт Бауман;пер. с англ. В.Л. Силаевой;под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019 //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 486—492.
7. Батуренко С. А. Зигмунт Бауман: рестратификация общества в условиях глобализации и социальная идентичность // МГУ имени М. В. Ломоносова, серия Социология, 2021, №5. С. 11-18.
8. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Перевод на русский язык: М. Л. Коробочкин — М., 2004. – 188 с.
9. Бауман З. Индивидуализированное общество/ Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Логос, 2005. - 390 с.
10. Бауман З. Свобода. Перевод на русский язык: Г. М. Дашевский. — М.: Новое издательство, 2006. – 132 с.
11. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

12. Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 69-80.
13. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с.
14. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр, перевод на русский язык: Н. Сулова. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2000 .— 96 с.
15. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. — М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 269 с.
16. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр, [пер. с фр.: Л. Любарской, Е. Марковской]. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
17. Бохман Д. (Bohman, James). Критическая теория [электронный ресурс] / пер.с англ. Ефремов Егор // Brick of Knowledge. URL: <https://brickofknowledge.com/articles/critical-theory> (дата обращения: 08.05.2024)
18. Бронзино Л.Ю. Критическая социология Франкфуртской школы // Вестник РУДН, серия Социология, 2007, №3. С. 52-67.
19. Кант И. Критика практического разума: [перевод с немецкого: Н.М. Соколов] / Иммануил Кант. – Москва : Эксмо, 2015. – 224 с.
20. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. — М.: Академический проект, 2020. — 567 с.
21. Канто-Спербер М. Греческая философия Т.2 / М. Канто-Спербер [под ред. М. Канто-Спербер, в сотруд. с: Дж. Барнз, Л. Бриссон, Ж. Брюнсвиг, Г. Властос]. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008.- 490 с.
22. Келлнер Д. Критическая теория сегодня: пересматривая классиков. Kellner D. critical theory today: Revisiting the classics // Theory, culture and society. L. etc. - Vol. 10, 1993. - P. 43-60
23. Логинов А. В. Две концепции социокультурного кризиса: Зигмунт Бауман и Ульрих Бек, 2009 [Электронный ресурс] // URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/dve-kontseptsii-sotsiokulturnogo-krizisa-zigmunt-bauman-i-ulrih-bek-1/viewer> (дата обращения 28.03. 2024).

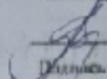
24. Маркузе, Г. Одномерный человек: Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества / Г. Маркузе; [Пер. с англ., предисл., примеч. А. Юдина] – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.
25. Михайлов И. А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Ч. 1: 1914-1939 гг. [Текст] / И.А. Михайлов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2008. – 207 с.
26. Михайлов И. А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Ч. 2: 1940–1973 гг. [Текст] / И.А. Михайлов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2010. – 294 с.
27. Оруэлл Дж. Скотный Двор: Сказка, эссе, статьи, рецензии. Пер. с англ. — М., Известия, 1989. – 192 с.
28. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. - М.: Прогресс, 1989. – 384 с.
29. Рассадин С. В. «Социальное» vs «Рациональное»: инструментальный разум и социальное знание // Власть. 2016. Том 23. № 11. С. 118-122.
30. Троицкий К. Е. Этическая теория. Зигмунт Бауман: от критики универсализма к безграничной моральной ответственности // Этическая мысль 2019. Т. 19. № 1. С. 5–19.
31. Фромм Э. Забытый язык / Эрих Фромм; [пер. с англ. А. Александровой]. — Москва : АСТ, 2017. — 209 с.
32. Фромм Э. Иметь или быть? / Эрих Фромм; [пер. с англ. Э. М. Телятниковой]. — Москва: АСТ, 2014. — 320 с.
33. Фурс В. Н. Социальная философия в непопулярном изложении/ Фурс. В. – Мн.: Пропилеи, 2005. – 184 с.
34. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. V. Переплетение мифа и просвещения: Хоркхаймер и Адорно / Пер. с нем. — М.: Издательство «Весь Мир», 2003. — с. 70 – 85.

35. Хаксли О. О дивный новый мир: Английская антиутопия. Романы: Сборник: Пер. с англ / Сост., авт. Предисл. А. П. Шишкин. – М.: Прогресс, 1990. – 640 с.
36. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума / Макс Хоркхаймер. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация» 2011. – 224 с.
37. Хюбнер К. Истина мифа / Пер. с нем. И. Касавина. — М.: Республика, 1996. — 448 с.
38. Шаблинский А. Забытое наследие Хоркхаймера // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. №3
39. Ясперс К. Истоки истории и ее цель [Текст] / Пер. М.И. Левиной. - Москва: ИНИОН АН СССР, Вып. 1. - 1978. - 210 с.

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Гуманитарный институт
Кафедра философии

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

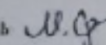
 В.И. Кудашов

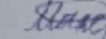
«17» 06 2024 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

47.03.01 Философия

ТЕМА: ТРАНСФОРМАЦИЯ КРИТИЧЕСКОЙ ТВОРИИ ОБЩЕСТВА ОТ М.
ХОРКХАЙМЕРА ДО З. БАУМАНА

Руководитель 14.06.2024, доцент, канд. филос. наук М.В. Седелников
подпись, дата должность, ученая степень

Выпускник 14.06.2024.
подпись, дата

В.В. Максимчук

Красноярск 2024